

Феликс Кохрихт

Возвращение в Сорренто

Я вернулся сюда, на Амальфийское побережье Италии, минувшим летом и нашел его таким, каким себе представлял. Возможно ли вернуться туда, где никогда ранее не был, – на берег, на который не ступал, в море, в котором не плавал?

Люди моего поколения – послевоенные начитанные дети, воспитанные на если не всегда великой, то уж наверняка благозвучной и чистой музыке и классической живописи, были мастерами виртуальных путешествий. На крыльях фантазии мы переносились туда, где происходило действие увлекательных книг, где рождались полюбившиеся мелодии.

В зрелые годы, когда мне посчастливилось побывать в этих местах, произошло чудо узнавания: на самом деле все оказывалось почти таким, как в произведениях замечательных писателей, композиторов, на холстах любимых художников. Так я вернулся в Париж Дюма, Веймар Гете, в Иерусалим царя Давида, в Прагу Кафки, в Севилью Бизе, во Флоренцию Леонардо, в Мадрид Сервантеса, в Рим Феллини...

И вот – Сорренто. Впервые я узнал о его существовании лет в семь – из песни, которая воскресным утром вырвалась из репродуктора в нашей коммуналке на Садовой. Был я тогда голосистым пацаном, который тут же звонко и без стеснения повторял все, что слышал, – независимо от жанра, тесситуры, языка исполнителя.

«Вернись в Сорренто!» – призывал чей-то дивный голос, в котором звучали и тенор, и баритон, сливающиеся в чарующую мечту о счастье. Содержание песни я узнал от мамы, которая тоже застыла у репродуктора с тарелкой в руке... Певца звали Энрико Ка-

рузо, а городок, в который он призывал нас вернуться, именовался Сорренто...

...Прошло много-много лет, и вот мы добрались до Сорренто: прилетели в Неаполь и дальше – на машине по серпантину с дивным видом на залив... Я сразу же, несмотря на укоризненные толчки локтем, последовавшие от Тани, запел, как мне казалось, внутренним голосом, а на самом деле весьма громко: «Как прекрасна даль морская, как влечет она, сверкая, сердце нежа и лаская, словно взор твой голубой...». И так – до самого припева: «Вернись в Сорренто, вернись ко мне!». Я подражал не Карузо (так и не выучил итальянский текст), а знаменитому некогда тенору Михаилу Александровичу. И заслужил вежливые аплодисменты водителя.

Голос великого певца мы услышали через несколько дней – почти аутентичный, во всяком случае, он звучал с грампластинки, записанной в 1916 году, за пять лет до безвременной кончины маэстро. Более того – тяжелый пластмассовый диск кружился на граммофоне с трубой, который Карузо любил заводить, и мне разрешили покрутить ручку, помнящую тепло его пальцев. Случилось это в «Ristorante Museo Caruso» – все три слова не нужны в переводе. Его любезнейший хозяин не только позволил нам съемку уникального интерьера (на стенах – афиши, портреты великого певца и его коллег, а главное – рисунки и карикатуры, автором которых является великий тенор), но и угостил фирменным белым вином. В меню – блюда, которыми гурман Карузо потчевал своих гостей. На дне салатном чувственно белела под томным базиликом моцарелла...

Синьор Энрико был уроженцем Неаполя, но именно в Сорренто находил и отдых, и почитание друзей, и пылкие встречи с местными красавицами. А они с античных времен отличались (-ются!) не только статью и волоокостью, но и чарующими голосами. Древние римляне называли утопающий в цветах город на высокой скале – Surrentum (место, где живут Сирены). Именно здесь Гомер поселил этих обольстительных дев, которые чуть не свели с ума хитроумного Одиссея. Что уж говорить о романтическом, пылком сеньоре Энрико, да и о наших любвеобильных современниках, слетающихся сюда со всего мира...

Справедливости ради следует сказать, что наше внимание привлек еще один ресторан, лежащий на торном пути в порт, активно посещаемый мореплавателями и туристами, особенно из постсоветских стран. Нас привлекает здесь не только отменная и весьма не дорогая pizza, но и обнадеживающее название – «Il Pozzo». Я даже сфотографировался на фоне меню, а имя этой точки общепита в переводе с итальянского означает «Хороший»

или «Хорошая», как будет угодно. Если в Италии к вам обратятся подобным образом, откликайтесь вежливо и доброжелательно.

Все побережье залива пронизано романтикой и располагает к проявлению сильных чувств, но именно в Сорренто играется большинство свадеб. Мы были свидетелями (и зачастую почти участниками) процессов разного масштаба и толка – от пафосного выхода из собора аристократической пары до венчаний новобрачных явно деревенского происхождения,

словно шагнувших с экрана фильма эпохи неореализма. Особенно впечатлила нас фотосессия жениха и невесты, в свите которой угадывались «хрещені батьки» из неаполитанской Каморры – разновидности Козы Ностры. Мафиози женит дочку Кьяру. И меж кланами чтоб не было «базара», пригласили Папу. Он приехал, взял с собой посох, и тиару...

Брачующиеся – независимо от достатка и классовой принадлежности – любят фотографироваться на фоне Заката над Неаполитанским заливом. Большая буква в обозначении процесса ежевечернего на протяжении тысячелетий захода солнца свидетельствует об исключительном, уникальном (по свидетельству быва-

лых путешественников) качестве этого процесса. Витиеватость фразы свидетельствует о замешательстве автора этих заметок, не нашедшего русских слов, соответствующих увиденному и прочувствованному. Закат над морем у Сорренто. На небе – огненная лента... Ну как, сеньоры, описать в стихах простых уно момент? Рискну лишь показать вам несовершенные фото, сделанные с балюстрады над морем и из окна нашего гостиничного номера. Главное действующее лицо этой мистерии – Везувий.

И еще одно возвращение – в сказочную страну, где живут Фрукты и Овощи, герои, придуманные на радость детям Джанни Родари. Разумеется, мы встречались и с Чиполлино-Луковкой, и с его друзьями, но царит в Сорренто сеньор Лимон. Город утопает в желто-зеленых рощах и садах, лимоны повсюду – на полотенцах и скатертях, на деревянной утвари и керамике. Вас обязательно поведут в одну из многочисленных семейных фабрик, где на протяжении столетий готовят ликер «Лимончелло» – разных сортов и крепости. Вслед за обязательной дегустацией – неизбежная покупка... Пошли на дело – пить «Лимончелло».

Этот солнечный плод мог бы стать гербом города. Сочиняю гимн Сорренто в ожидании комплимента: «Ой, лимончики, мои лимончики! Вы растете, ой, у Сони на балкончике!». Такую вот

местную Соню (чем не София Лорен – урожденная Соня Шиколоне?) мы встретил на свое счастье во время прогулки по набережной в самый полуденный зной. Она спасла нас, нацедив в стаканы со льдом и листьями мяты только что выжатый лимон. А потом, переведа дух, я втянул доверчивую и добрую сеньору

в совместное исполнение неаполитанского фольклора – но это была иная песня (по ее выбору) – «O, sole mio!» – «O, мое солнце!».

Зато другая сеньора, соседствовавшая с нами крышами (я имени ее не знаю), не была склонна петь со мной дуэтом. Только что дама, пребывавшая явно не в духе, согнала с раскладушки дочку, которую я, угадав в ней мутировавшую прапраправнучку вышеупомянутых Сирен, увы, не успел

сфотографировать. А из нашего окна крыша красная видна. Вечера там девушка топлес всю читала книжки. Сегодня барышни уж нет, но сушатся ее штанишки. Взамен мне на утешение явился еще один член этой семьи – черный кот...

...Но, разумеется, места эти не только романтические и романтические, гастрономические и ликерные, но и намоленные. Здесь проповедовали, исцеляли, здесь воспитывали учеников и восходили на костры знаковые и яркие персонажи Нового Завета. Об одном из них я в ранней юности узнал не из церковных книг, а из жизнеописания, которое полагаю лучшим произведением Гилберта Честертона. Он поведал о святом Франциске Ассизском просто и величественно, с пафосом и истинно английским юмором. В Сорренто Франциск занимался привычным делом – лечил бедняков, вразумлял заблудших, а еще – разговаривал

о жизни с птицами, язык которых понимал. Они и сейчас вьются вокруг памятника у собора, посвященного великому гуманисту. В тени воркует голубь сизый: по-итальянски говорит весьма прилично. С его прадедом разговаривал по-птичьи святой Франциск из города Ассизи...

...Впереди были Амальфи, Позитано, Ровелло – легендарные города, к которым ведут узкие стремные дороги, пробитые тысячелетия назад то ли финикийцами, то ли римлянами. И сегодня здесь есть места, где у обрыва не могут разминуться два автомобиля, – ждут сигнала светофора, управляемого то ли со спутника, то ли милостью всех местных святых...

Почему мы не поехали в близлежащие Помпеи? Отвечаю кратко, как сумею. Нервы-то у нас не так уж крепки, чтоб смотреть на человеческие слепки тех, кто парился когда-то в бане, предаваясь эротической нирване. Помянем их. Глянь, на дне стакана – пепел вовсе не угасшего Вулкана...

Почему вы не поехали в Неаполь? Почему вы не купили себе шляпу? Почему вы не купили себе «пушку», чтобы всех и сразу взять на мушку? «Мазаратти»-фаэтон, «Феррари»-двушку с тен-том ярким откидным и шофером заводным, что под мышкой (очень мощной) носит «пушку», каждый вечер он кадрит себе подружку, он соломенную набок носит шляпу... – Ну, и нужен мне такой Неаполь?

Вскоре мы вернулись в Одессу.

«Язык Италии золотой звучит на улице веселой...» – подметил молодой Пушкин, отбывавший в Южной Пальмире недолгую ссылку.

Прислушались. Но это было лишь Эхо – так звали юную нимфу, которая по воле ревнивого Зевса, согласно любимой книге моего детства «Мифы Эллады» (составитель Г. Петников), жила в одной из пещер Амальфийского побережья и передразнивала заблудившихся путешественников...

Фото автора и Татьяны Вербицкой

